

ВЕЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

Что такое детство у поморских мальчишек, живущих не берегах Белого моря? Это, прежде всего, рыбалка: походы в лес, на лесные речки и озёра, стояние в воде босыми ногами с удочкой, дрожь в теле от прохлады раннего утра или позднего вечера, нервная дрожь при хорошем клёве, зубной стукоток, если клюнула крупная рыба. Когда весь продрог на стылом воздухе утренней или вечерней зорьки, но убраться домой невозможно от одного только осознания, что ты на рыбалке, от того, что вот-вот должна подойти крупная рыба, надо её только маленько подождать...

Уйти с удачной рыбалки невозможно, как невозможно взять и прекратить детство, когда оно в самом разгаре. Поморское детство и рыбалка — это понятия из одного ряда, понятия-синонимы, неотделимые друг от друга темы, вековечно сопровождающие жизнь поморов. И не только потому, что рыба — основная пища местного населения. Тема рыбной ловли — это жизненный выбор поморов, их кредо, их

цель, главная установка. Успех или неуспех любого помора как жителя побережья определяется его везучестью на рыбалке, способностью наловить рыбы больше, чем другие. Мальчишки распознают эту определяющую особенность с самого раннего детства и очень стремятся не подкачать, не подвести самого себя в глазах общественности. У всех мальчишек ярко выражено стремление как можно раньше овладеть рыболовными снастями, умением управлять карбасом, знать рыбные повадки в разных водоёмах, на какую приманку и на какую снасть лучше всего ловить разную рыбу, как и когда начинается на озере ход окуня, плотвы, щуки, леща...

В каждом из мальчишек живёт поверье, что начало ледостава ранней осенью и самое его окончание поздней весной — самое лучшее время для удачной рыбалки. Когда мне было лет одиннадцать, я решил испытать эту древнюю науку на своём опыте. В конце мая, когда озёра ещё были покрыты льдом, в одиночку пошёл на озеро Заднее.

Павел Григорьевич Кренёв — заместитель председателя правления Союза писателей России, кандидат юридических наук, генерал-майор, автор 20 книг прозы. Лауреат многих всероссийских и международных премий.

Стоял солнечный день, и я, вооружённый двумя зимними удочками, изготовленными под руководством моего отца, ранним майским утром взошёл на лёд. Совсем я не обратил внимания на толщину прибрежного льда. Вода чернела где-то там, в глубине, под его неопределённой крепости коркой. У меня не было времени определять эту самую крепость: я рвался вперёд, к окуням и плотве, которые, судя по обещаниям деревенских стариков, должны были продемонстрировать хорошие показатели клёва. И вот я, пройдя через озеро, притулился у другого берега (тут, по отцовским подсказкам, должна быть хорошая рыбалка). Просверлил две лунки, стуча зубами от нетерпения, очистил их от осколков льда, дрожащими руками размотал и снарядил удочки... И забросил в малящие чёрные отверстия...

Я неплохо порыбачил в тот день. На льду лежала внушительных размеров кучка плотвы и окуней и даже два гарныша — речной форели, которой достаточно водится в наших лесных водоёмах.

Когда собрался домой, солнышко перевалило верхнюю свою точку — зенит и уже бежало к завершению весеннего дня. Смотав удочки, собрав пойманную рыбу, я двинулся в обратную сторону. Но, когда подошёл к берегу, с удивлением и страхом обнаружил, что весенний день растопил бережной лёд и между его кромкой и берегом образовалась довольно широкая проталина метров пять шириной. Я оказался на ледяном острове. Дороги к берегу больше

не существовало. Кроме того, почувствовал я, что лёд под ногами стал рыхлым, он как бы проминался под моим весом.

Я серьёзно струсил, потому что не знал, что делать в такой ситуации.

И тогда я принял решение, которое до сих пор считаю правильным. Перво-наперво понял я, что без купания в ледяной воде тут не обойтись. Обречённо скинул рюкзак, снял с себя ватную фуфайку, зимнюю шапку и тоже засунул в него. Держа рюкзак в правой руке, я осторожно дошёл до кромки льда и, поняв, что дальше двигаться нельзя, провёл ногой поперечную черту и вернулся на прежнее место. Потом разбежался, добежал до черты и, как только мог сильно, швырнул рюкзак к берегу. Добросил. Мешок мой упал в аккурат на бережной линии, но на сухом месте. Затем я пошёл на отчаянный шаг (ничего другого не придумалось): ещё раз разбежался и побежал прямо к берегу, заведомо зная, что окажусь в воде.

До берега не добежал метров шесть. Кромка льда подо мной резко обрушилась, и я оказался в воде, холодной, ледяной воде. Вода как будто ошпарила меня. Ноги не достали до дна. Я заорал от ужаса и быстро-быстро начал пригребать к берегу — благо, что уже умел по-собачьи плавать.

Костра я развести не мог, потому как спички все отсырели. Зато снял с себя одежду, отжал её насколько мог и даже повесил на несколько минут на сучья сосны. Сам в это время прыгал босыми ногами по вытянувшейся

проталине. Потом кое-как, совершенно заочевенный, одеревеневшими руками напялил на себя одежду, надел рюкзак и шапку и бегом двинулся назад. Наверное, странно и удивительно: купание в ледяной воде не вызвало у меня даже насморка. Такие вот «водные процедуры» — совсем не редкое испытание для беломорских мальчишек, и они достойно и осмысленно их проходят. При этом руководит ими только одно: быть достойными продолжателями дел отцов и дедов. Страсть к рыбалке — это самое глубинное генетическое чувство, укоренившееся в поморских мальчишках. Как только мальчик, совсем ещё ребёнок, встаёт на ноги, первое, за что он хватается после игрушки — это удочка или какое-то другое рыболовное приспособление.

Продемонстрирую это на примере, который происходил на моих глазах.

Четырёхлетний мой сосед, Витенька Майзеров, лупоглазенький, белобрый мальчуган, долго выхаживал вокруг большой лужи, которая объявилась около его дома после обильных дождей, и всё вглядывался в небольшую её глубину. Дело было в том, что его прямая родня — старый рыбак и прославленный деревенский браконьер, а также известный хохмач Семён Михайлович Бронников сообщил ему по страшному секрету, что прошлой ночью в эту лужу зашёл огромный косяк окуней. Витеньке, мол, держать это надо в тайне и самому этот косяк из лужи выудить:

— Да поскорее бы надоть их вытаскать-то, уйдут ведь, огуданы!

Как они уплывут из лужи, что располагалась посреди деревни, старый шутник не объяснил, но Вите это было совсем не обязательно. Он с азартом взялся за выполнение поставленной задачи. Дедушко Семён крепко его настроил:

— Морды у их — во! Жирняшши! Матка и батько твои обрадующче, — внушил он своей родне, Витеньке Майзерову, благую мысль.

Витя украл у отца лёгкую бамбуковую удочку и принялся рыбачить. Червей на удочке не было, да Витенька и не знал, что они должны быть. Он понимал, что удочке належит иметь поплавков и крючок, и обязана быть рыба. А она была! Он стоял около лужи и глядел на поплавок. Долго стоял. Рыба не ловилась. Мимо проходила диктор школы. Ситуация была комичной, но директор сохранила серьёзный тон. Она спросила будущего ученика:

— Как дела твои Витя?

Витя тоже был серьёзен. Он ответил в надлежащем тоне:

— Дела-та хороши, да вот только не клюёт-то не фига...

Сначала хохотала директор школы, а потом и вся школа.

Стоит вдоль Поморского берега деревня Лопшеньга, древняя рыбацкая деревня. Пронесётся над нею ветра разных времён, живут-поживают в ней, чередуясь друг за другом, поколения истинных рыбаков. Это стало доброй традицией. И, слава Богу, нет конца этой традиции!

МУЖСКОЙ ПОСТУПОК

Мне было десять лет. Я только что закончил многотрудный третий класс Лопшеньгской начальной школы и всё никак не мог дожидаться, когда же стану взрослым. На то были веские причины. Дело в том, что в деревне терпеть не могут, когда какой-нибудь подросток засиживается в этих самых подростках.

— Не-е, — говорят, — он не в деда пошёл. — Тот-то куда смышлёней был. Да ещё какая-нибудь глупая клочка привяжется. Хуже некуда.

Мне тоже батя уже поговаривал:

— Вот Лёнька-то Петров батьку помогает как! Рюжи уж сам ставит, навагу ловит. А ты-то и не умешь!

Я таких разговоров боялся страшно. Самое плохое дело, когда не уважают твою самостоятельность и достигнутый возраст. И решил я на отчаянный шаг — сходить на озеро. Одному. На ночь. Это дело авторитетное.

Стал собираться. Мать и внимания-то сразу не обратила: подумаешь, парень на рыбалку идёт, какие тут проблемы, хоть окуней на уху принесёт. Тем более воды для обрядни наносил, дров охапку принёс. Но я спросил:

— Мам, мне бы еды с собой.

Никогда такого не спрашивал. Подумаешь, на Белую реку или Лопшеньгское озеро сбегать — краюху в карман сунул и вперёд!

— Зачем это тебе? Куды ише собрался?

И побежала куда-то по своим домашним делам. С матерью разговаривать — бедовое дело. Санкции не даст, значит — конец розовым мечтам, разрушит всё планы. С другой стороны — как уйдёшь без материнского разрешения. Лучше потом там и оставаться, в лесу. Значит надо подойти с другого боку, с отца. Еле дождался его на обед. Отец пришёл как всегда сосредоточенный со своего рыбзавода, пахнувший пряным посолом, бензином и морским берегом. Сполоснул руки, сел за стол. Ел отец медленно, с пониманием. Старательно нарезал хлеб, вкусно обсыпая кости, немилосердно при этом фыркал. Я был как на иголках. Мне не терпелось обсудить с отцом свой стратегический план. Но лезть с разными суетными делами за столом не полагалось. Можно было и ложкой по лбу схлопотать.

И вот, когда, попив чаю, отец вынул из печного проёма пачку «Звёздочки», выколотил из неё папиросину и пошёл на крылечко, я степенно последовал за ним для мужского разговора.

Когда батя сладко вдохнул в широкую свою грудь табачный дым, я спросил его как о чём-то обыденном, само собой разумеющемся:

— Мне можно взять маленький топорик?

Эта фраза отца насторожила. Он посмотрел на меня как на человека, посягнувшего на ценную в доме вещь. Маленький топорик отец любил и всегда брал его с собой, когда шёл куда-нибудь по хозяйственным делам. Даже если топорик был не

очень-то и нужен. Беда же заключалась в том, что если его кто-то брал другой, то топорик обязательно где-то терялся. Потом снаряжались целые экспедиции, чтобы разыскать столь нужную вещь. Топор всегда разыскивали: под кустом, в бане, в траве. Но отца это возмущало до крайности. Отказывать у него, впрочем, не было оснований: я ещё ни разу топора не терял. Он шумно выдохнул дым и посмотрел на меня подозрительно:

— Куда ише вырядился?

Я сделал торжественную и максимально важную физиономию и объявил о своём решении:

— Хочу на ночь в лес сходить!

Отец виду особенного не подал, но изумился крепко, перестал палить папиросу и втянул голову в плечи.

— Куда ише... Зачем?

— Да я тут... порыбачить... Сороги на зорьке поудить.

Про сорогу я ввернул почти наобум. Витька Шамбаров, сосед наш, говорил как-то, что она здорово клюёт в зорях.

— Может ремня давно не получал, удебщик? — сурово поинтересовался батя и сдвинул брови. Я в другой раз обязательно бы смалодушничал от такой перспективы, но сейчас проявил подлинный мужской характер:

— Да я не далеко, пап, на Заднее.

Озеро это и впрямь располагалось недалеко от деревни — в трёх километрах, сразу за Лопшеньгским озером. Заблудиться на пути к нему, даже если захочешь, трудно. Отец задумался. Он хорошо понимал: сы-

ну-малолетке совсем ни к чему одному шляться ночью по лесам. Но он смекнул главное: меня надо отпустить потому, что сын дозрел до самостоятельного в жизни шага.

— Не боисся? — спросил он едко и блеснул глазами. — Медведя ведь полно в лесу.

Я заулыбался и качнул головой.

— Ладно... Папиросы-спички-черви-удочки. Всё взял?

Я и впрямь уже несколько дней как собирал в дальний поход старый пестерёк. Делал это тайком и держал пестерь под крыльцом.

— Собрался уж небось? — спросил отец. Пришлось вытаскивать пестерь из тайника.

— Выкладывай амуницию. Проверять будем, всё ли правильно.

И я выложил на деревянный настил тёплую рубашку, шерстяные носки, две жерлицы, крючки в железной коробке, запасную пробку, грузило, леску, смотанную на мотовило готовую удочку, свечку, два коробка спичек, кепку и рогатку. Отец отнёсся ко всему серьёзно, даже к рогатке. Как же парню в лесу без оружия...

— Ладно! Еды не хватат, ножика и топора.

Он посидел, поразмышлял, потом пошёл на чердак, зазвенел там ключами, заскрипела дверь. Я знал, за какой вещь пошёл отец на чердак. Он пошёл за охотничьим ножиком. Это была моя мечта. Папин ножик был предметом зависти всех деревенских мужиков. Ему этот ножик привёз из Ленинграда дальний родственник — Филипп Павлович. Был он выкован из какого-то клапа-

на и практически не тупился. Когда в деревне свеживали скотину, у отца ножик просили. Он давал, но не всем, боялся, что потеряют.

Отец действительно вынес ножик, и я не поверил своему счастью. Вот удача, так удача. В моих руках оказалась эта красота — настоящий охотничий нож с ручкой из цветного стекла и дерева, в кожаных ножнах с лохматым пучком резаной кожи на конце. Отец снял с себя узкий ремешок, приладил к нему ножны и опоясал меня, проткнув там, где нужно, дырочку. Это был знак доверия и уважения. Чтобы носить такой ножик, надо быть настоящим рыбаком.

— Та-ак, теперь топорик. Где же он у нас?

Отец открыл скрипящую дверку чулана и взял с полки топорик. Потрогал большим пальцем лезвие, закатив при этом глаза.

— Ну, с таким топором чаю не согрешь! Давай-ко, Паша, поднаточим.

На повети стояло точило — корытце, выдолбленное из чурки. Поперёк неё располагалась в пазах металлическая палка, на которой закреплён был и крутился, касаясь воды, круглый, толстый диск из шершавого камня.

Отец плеснул в корытце воды из ковшика, я стал крутить точило, и мы наточили топор и нож. Потом отец взял брусок с мелким зерном и окончательно направил оба лезвия. Каждый раз, проверяя остроту, он закатывал глаза, высовывал язык, перебирал по лезвию большой палец.

— Оружие к бою готово, — подытожил весело батя.

Топорик он сунул в брезентовую рукавицу — верхоньку — и сам осторожно уложил в пестерёк.

— Давай-ко пойдём теперь к матери, может, еды какой даст.

Мама, пока меня собирала, вся приохлаась:

— Батько, ты посмотри, что с парнем-то случилось. Один в лес собрался! Тоже — герой выискался. Ошалел совсем.

Родители помогли собрать провиант. Мать налила через воронку в бутылку молока, заткнула пробку, отсыпала сахарного песку, чаю, завернула в газету две картофельных шаньги, выставила на стол банку консервных килек в томатном соусе — моих любимых. Отец отрезал полбуханки хлеба, дал большую алюминиевую кружку, с которой сам всегда ходил в лес...

Минут через сорок я был полностью экипирован. Отец проверил обёртку портянок, снаряжение удочки, одежду, четыре картошины...

Мне хотелось поймать крупную рыбу, и я спросил:

— Пап, жерлицы бы надо поставить. Без карбаска не обойтись. Поговорить бы с Николаем Ивановичем насчёт карбаска.

Отец, словно, ягоду кислую проглотил, скривился. С соседом Николаем Ивановичем, у которого единственного держалась исправная лодка на Заднем озере, отец недавно повздорил из-за нашей козы, которая, как назло, всё время пехалась в травянистый садик соседа, сквозь его вечно незакрытую калитку. Но карбас был всегда примкнут на замке к толстому дереву... Просто беда.

Надо идти! Отец махнул отчаянно рукой и направился к соседу. Он поднялся на высокое соседское крыльцо, покачал головой и постучал. За дверью раздался бас Николая Ивановича, и отец скрылся за дверью. А я сел на настил и стал ждать. Думал: «Ну, всё! Не даст ключа сосед! Злыдня — та ещё... Из-за козы шум поднял... А уж жена его, Парфёновна... О той вообще говорить не стоит. Мегера мегерой. Не дадут ключа, ясно, не дадут. — Шли минуты, отец не выходил. — Ругань там идёт, наверно, лютая, — думал я горестно. — Зачем сказал про карбас? Обошёлся бы и без него. Щуки захотелось... Так её и с берега поймать можно. Сейчас батя выйдет расстроенный, вообще в лес не пустит, раздумает».

Меня с дороги окликнул Борька Пунанцев:

— Привет рыбакам! Он подошёл к калитке, остановился. Внимательно посмотрел на меня, на пестерь.

— Далеко?

— Тебя не спросил, — ответил я муром.

Борьку я терпеть не мог. Он недавно маленько меня поколотил, так как был старше на два года. Борька был меня сильнее, и пока я ничего не мог с ним поделаться. Но думал: «Вот подрасту маленько, брат ты мой, что же я с тобой сделаю...»

— А в лоб схлопотать не хочешь? — деловито спросил Борька.

Я промолчал, только сплюнул в сторону. Я шёл один в ночь, поэтому был выше всякого там трепача Пунанцева. Кроме того, не стал бы он лупить меня на крыльце моего же

дома. Но Борька, видимо, и не соби-
рался со мной скандалить.

— Чё, на озеро идёшь? — спросил он вполне миролюбиво.

— Угу.

— Я тоже с дядей Витей на Островистое завтра двину — лещ должен пойти.

— Не-е, я ближе, на Заднее.

— Че, на ночь идёшь?

— Угу.

— Один?

Я кивнул. А Борька помолчал. Лицо и тон его переменились. Он попереминался. Вполне одобрительно на меня глянул и пошёл дальше. Было видно: Борька меня зауважал. А отца всё не было. Мне нестерпимо хотелось отправиться в путь.

— Крепко же они там схватились, — думал я горестно. — Все кости друг другу перемоют, и надо же, всё из-за моей рыбалки...

Прибежал откуда-то наш пёс Канис. Он в доме привечал только отца и только с ним держал компанию. Канис дружелюбно меня обнюхал, помахал хвостом, потом подошёл к пестерю, обнюхал и его и вдруг лёг рядом. Я понял: Канис пойдёт со мной! Это было признаком серьёзного ко мне отношения и это поведение бывалого домашнего пса порадовало ничуть не меньше, чем, допустим, расположение Борьки Пунанцева. Ну вот, наконец-то! За скрипела соседская дверь, и на свет Божий появился отец. Почему-то необычно шумный, раскрасневшийся и довольно весёлый. Понятное дело — уже дерябнул бражки. Только с чего бы это? Картина так картина.

За спиной отца в распахнутой двери уже гудит бас Николая Ивановича. Он стоит вместе с отцом, обнимает его за плечи. Физиономия соседа лоснится, щёки рдеют краснотой закатного солнца. Он выговаривает отцу:

— Да шоб из-за какой-то там скотины мужики ругались! Не в жисьь... Верно, Гриша? Гриш, а это, как её... а твоя Кланька (наша коза), пусть она в мою калитку как домой к себе заходит. Не жалко травы для соседки.

— Ну, а как иначе промеж соседями! — радостно поддакивает отец.

А позади, в дверях, подхихивает Парфёновна, машет рукой и что-то мелко-мелко говорит. Тоже розовенькая. Ключ от карбаса отец, конечно, не приносит.

— Забыл! — он сокрушённо машет рукой и заметно конфузится. Тут уж я делаю обиженную физиономию и демонстративно надеваю пестерь. Надо же, сколько времени ждать и вот объяснение: забыл. Буду рыбачить без карбаса.

Отцу не хочется возвращаться к соседу, с которым установлены теперь мирные отношения, но деваться некуда — надо! Он качает головой и скрывается за соседской дверью. Николай Иванович со своей красной мордой, выскакивает опять на крыльцо и, как Ленин с балкона, машет рукой и кричит мне:

— Да не надо никакого ключа! Там замок-то висит для близиру. Ты, Павлушка, отогни дужку, да и всё!

А я уже выхожу за калитку. Не сваришь каши с этой весёлой бестолковой кампанией. Столько времени потерять...

Отец кричит вдогонку:

— Всё ли взял? Папиросы — спички — черви — удочки...

— Взял — взял, — отвечаю я важно и уже шагаю, шагаю по деревенской улице, поворачиваю в проулок. Впереди уже бежит Канис. И мне уже не до пустых разговоров. Но к Ваське Федотову я всё же заглянул. К однокласснику и соседу по парте. Решил потравить ему душу, хотя и знал, что его всё равно не отпустят.

— Может вместе, Вась, а то одному страшновато.

Васька глядел на меня алчными глазами, ему невыносимо хотелось вырваться из надоевшего дома, но на нём висела обуза — полутораговая сестрёнка Рита. Девочка ковырялась в песочке, без умолку что-то плаксиво выговаривала, а Васька вынужден был с ней нянчиться. Рос Васька без отца, а мать — доярка — всё время пропадала на работе... Я ушёл, неся на своей спине тоскливый взгляд приятеля.

Эх ты! Какое море новой жизни, неиспытанных доселе впечатлений, распахнулось передо мной, как только я вышел за околицу! Я спустился с отлогого зелёного холма и пошёл вдоль озера. В лицо наискосок дул тёплый шелонник — юго-западный ветер, самый лучший ветер для рыбалки, гнал мелкую острую волну. Над озером висело полуденное белое солнце, и солнечная дорожка бежала ко мне от противоположного тёмного берега через всю водную ширь, расплёскивая, разбрызгивая по сторонам разноцветные капли света. Я посматривал на небо, на ту

часть горизонта, откуда выплывали облака и маленько тревожился — не покажутся ли грозные тучи? Кому понравится рыбачить в дождь! Но облаков, слава Богу, не было совсем. Только высоко-высоко в синем-синем небе висели серебряные перья — предвестники хорошей погоды. Душа моя и радовалась, и тревожилась одновременно. Я был чрезвычайно горд от сознания того, что становлюсь взрослым, что родители доверили мне самостоятельный поход с ночёвкой в лесу, что теперь никто не сможет сказать ненароком, мол, у Пашки Поздеева кишка тонка — быть самостоятельным. Мою самостоятельность признал даже боевой, испытанный охотничий пёс Канис, который уж точно не пойдёт в лес со всякой шантрапой, и который — нате вам — бежит вон впереди, и уже ищет дичь. Но, в общем-то, чего там говорить, я ведь был совсем ещё мальчишкой, и мне впрямь было маленько страшновато.

Канис вдруг залился остервенелым лаем и рванул вправо, на угор. Там, метрах в сотне, в кустах мелькнуло что-то серое и метнулось в мою сторону. Я от неожиданности присел: волк! Волков я, честно говоря, побаивался очень. Зимой от них бывало много беды. Эти серые ребята ходили стаями и по ночам терроризировали наши деревни. Прошлой зимой двух собак разорвали прямо напротив сельсовета. Волк оказался зайцем. Он пулей пролетел мимо меня. Я вскочил на пригорок, сунул в рот пальцы и с восторгом засвистел ему во след. Боевой пёс Канис, вид-

но, быстро разобрался, что меряться скоростью с косоглазой бестией ему будет трудновато, и резко остановился, пару раз взлаяв вслед для острастки. И опять побежал впереди меня, выискивая следующую дичь.

Озеро неистово манило рыбалкой. Я вышагивал вдоль воды, в глущине которой жили окуни, ерши и сорожки. Сколько я уже выловил их в озере Лопшеньгском! Но сейчас не мог тратить время на всякую толстопузую мелочь. Это удел деревенской пацанвы, а не меня — человека, идущего в ночь.

В озеро с противоположного конца впадала речка Верхотина. Мне нужно было пересечь её вброд: недалеко от озера есть мелкое, перекачанное место. Туда и пошёл, вверх от устья. Настоящий рыбак поймёт: просто так идти вдоль реки, в которой есть рыба — невозможно. Нестерпимо хочется забросить удочку. Не смог и я. В одном месте, метрах в сотне от озера, речка делала небольшой изгиб, в неё с моей стороны как бы вклинивался песчаный мысок, а на той стороне берег был вполне высокий, там вода обмывала травянистый бугор, и место явно было глубокое. Самое место для гарныша — пятнистой форели. Надо было подниматься к броду, но я не смог пройти мимо.

Опять же беда — нет удилища. Его надо вырубить. Я остановился напротив мыска и снял пестерек. Достал топорик и пошёл в угор, что возвышался вдоль реки и озера. Там была рошица молодого березняка.

На подходе к угору напали вдруг вороны. Налетали сзади и каркали над самой головой. Честно говоря, струхнул я здорово. Деревенские вороны меня всегда боялись — я метко кидался в них камнями и стрелял из рогатки. А тут эти обнаглевшие твари прямо гвалт устроили надо мной. Покидал в них сучья и вроде отстали, но всё равно — расселись по деревьям и каркали, что есть мочи. Я понял: наверно, у них тут гнёзда, я зашёл на чужую территорию.

Среди множества молодых берёзок я нашёл приглянувшийся ствол и топориком срубил. Потом сел на бугорок и обтесал сучья, ножом обстругал кору почти до самой вершинки, чтобы удилище стало более лёгким — этому меня научил сосед Витька Шамбаров. На конце оставил маленькую рогатинку — развилку последних сучков, чтобы не слетала с кончика леска. К ней я привязал удочку. Уже на песчаном мыске насадил жирного червяка, забрёл, сколько мог в воду, и забросил удочку под самый тот берег.

Течение равнодушно пронесло поплавок, пока не натянулась леска.

Раз заброс, другой, третий. Нет поклевки. Поменял глубину, поправил червя и старательно на него поплевал. Примета есть такая — на червя обязательно надо поплевать, иначе клёва не дождёшься. Иначе тебе — рраз! Поплавок будто зацепился за дно и плавно пошёл вниз. Резко шмыгнул удилище кверху... Пусто. Только червяк маленько объеден. Мыслей азартных сразу — веер! Может, крупная рыбина клюнула, но

слабо зацепилась... Не мелочь же, в таком-то месте. Эх, ты, шельма...

От волнения не мог точно забросить удочку. Недоброс — мель. Потом сиганул удилищем и зацепил крючком траву, что свисала к воде с противоположенного берега. Подёргал и стянул червя. Ругань про себя страшная. Кое-как насадил нового, кое-как всё же забросил удочку куда надо.

И вот тебе счастье! Опять поклевка такая же, как будто с зацепом. На этот раз постарался не рвать удилище, потянул не резко... Но рывка крупной рыбы не почувствовал, хотя на крюке явно кто-то был. Это был ёрш.

В другой раз я бы ему порадовался. Для отца нет вкусней ухи, чем из ерша. Но сейчас это была не добыча, а так, разминка, ведь я шёл на промысел.

Ёрш болтался на крючке, оцетившись всеми колючками. Пока отцеплял, пару раз укололся, запихал его в противогазную сумку.

— Ну, ты и гад! — сказал я ершу весело и передвинулся немного вверх по течению. Как-никак, а начало положено. Следующее место было маленько поглубже и с тоже спокойным течением.

Я встал на песчаном плёсе. Речка напротив меня делала лёгкую дугу. Глубина была у противоположного берега. Туда и забросил удочку.

Поклевка произошла сразу же, классическая с резким утаскиванием поплавок на дно. И я с трудом, волоком вытянул на плотный песок крупного подъязка. Он запрыгал на песке — большой, серебристый, с

чёрно-красными плавниками. Руки мои тряслись, когда я освобождал его от крючка, сполоснул в воде и положил в сумку. В сумке начался форменный шумный балет.

Потом начался сумасшедший клёв. Подряд я выволок из воды восемнадцать язей и подъязков. Конечно, поклёвки были разные — было много пустых, было много срывов, но восемнадцать крупных рыбин — это был восторг, это был результат не только для меня — третьеклассника, но и для любого деревенского мужика. Клёв потом кончился. Я долго кидал ещё удочку в разных местах, но рыба больше не ловилась. Канис извёлся: он облазил всё кусты, погонял всех мышей, пошнырял вокруг, он не мог быть столько времени на одном месте — вокруг огромное пространство со множеством живности, с которой надо разобраться... Он изнылся.

Я уложил рыбу в пестерь и понял: мне будет тяжело носить его туда-сюда. Рыба заняла половину объёма пестеря, ноша оказалась тяжёлой. Я понял: рыбу надо спрятать, а на обратном пути забрать. Около можжевёлового куста на берегу я уложил в ямку язей, набросал поверх травы, внимательно оглядел спрятанную рыбу и осознал — спрятано всё надёжно.

Если бы я знал, что из леса внимательно следили вороны...

Я двинулся к озеру Заднему. Канис, радостно взлаивая, сделал вокруг меня несколько весёлых пируэтов и умчался вперёд. Тропинка шла вдоль реки, посреди пахучего летнего разнотравья. Слева в синей выши-

не висело огромное, серебряно-золотое, уходящее к закату солнышко, проливало на меня свою теплоту и словно улыбалось мне веснушчатым своим лицом. Солнышко будто мне говорило:

— Славный ты мой рыбачок!

А душа моя рвалась вперёд, к неизведанному миру самостоятельной рыбалки с ночёвкой у озера. Когда я дошёл до места, солнышко уже склонилось над высоким западным углом, над тёмными вершинами далёких елей, похожих на неровные, но острые зубы неведомого огромного животного.

Лодку в кустах нашёл почти сразу: с отцом и без отца — с ребятами, такими же как и я, рыбачками — бывал в этих местах неоднократно. Однажды нам с отцом в сеть на этом озере попала гагара, сильная и большая птица с острым длинным клювом. Она намертво запутала тонкую сетку, и отец долго возился с ней, выпутывая крылья и лапы из затянутых узлов. Высвободив гагару, крепко при этом поругав её за спутанную и порванную сеть, отец хотел птицу отпустить. Но я упросил: «Давай покажем маме». Отец махнул рукой и после проверки сетей мы понесли гагару домой. Отец шёл впереди и нёс её на плече, держа за лапы. Голова гагары торчала сзади. В одном месте я споткнулся и по инерции вплотную подкочил к отцу. В ту же секунду в лоб, чуть повыше правого глаза меня словно ткнули острой палкой — это гагара долбанула меня острым своим клювом. Хорошо ещё — глаз не проколола...

Лодка и в самом деле не была на замке. Он так висел, для проформы. На дне было много воды, пришлось долго вычерпывать её большой жестяной банкой. Потом я размотал удочку, торопливо насадил червяка и уже с кормы лодки, привязанной к дереву, стал делать забросы. Есть поклёвка — окунёк, опять поклёвка — обман, ещё поклёвка — опять обман. Наверное, плотва. Потом — в самом деле поймалась плотва. Вот уже и первый десяток рыбёшек плескается в лужицах на дне карбаска. Наконец появилось осознание, что я сильно проголодался. Я сел на банку карбаска и огляделся.

Шелонник во второй половине дня подослаб и сейчас дул мне в лицо слабыми, тёплыми порывами. Ветер выкатывался из-за высокого, стоящего в километре впереди угора и падал на озёрную воду, создавая мелкую волну, которая часто била о мой берег, шурша в траве и кустах. Вода, как и небо, была ярко-ярко-синей. Такая вода, наверное, бывает только в детстве. На воде плавали в огромном количестве кувшинки, увенчанные раскрывшимися белыми цветами — лилиями. Верхушки деревьев от падающего на них солнца были в зелёно-золотистых рядах, как и вся прибрежная трава. И только нижние кроны да стволы деревьев на том берегу были темно-зелёными, темно-коричневыми да берёзово-белыми. Вся природа, весь распахнутый мир озера был удивительно контрастным.

Красновато-серебристая дорожка солнца, разбитая на волнах ве-

тром-шелонником, бежала по воде почти что с запада. Она стреляла по глазам радужными искрами, и цветные лучики бегали по мне, по лодке, по ветвям.

Я вышел из карбаса, взял пестерёк и на пригорке достал бутылку с молоком, шаньгу, алюминиевую кружку. Подкрепился. Греть чай решил ближе к ночи. А сейчас надо было ставить жерлицы на щуку. Раньше я их уже ставил с отцом. Но это было с отцом, сейчас надо было делать всё одному. Благо, что мальки были уже наловлены. Топориком вырубил в прибрежном ивняке лёгкие кольца — десять штук — и поехал расставлять крючки.

Там, где в воде начинается глубина — метра полтора-два — втыкал внаклонку кол, к концу привязывал жерлицу. Потом на щучий крючок насаживал малька, вымерял глубину, чтобы малёк плавал над дном, а не лежал в иле. Поставил десять жерлиц. Потом долго удил с лодки. Вскоре я понял, что при таком клёве, а рыба клевала активно, особенно в вечернюю зарю, мне её не унести будет домой. Поэтому пузатую мелочь — окуньков-шпингалетов, ершей да небольших сорожек — я стал выбрасывать обратно в воду.

А кобель Канис в это время всё кого-то гонял и гонял на берегу, с шумом хлопаясь о кусты, изредка взлаивал. К концу вечерней рыбалки на дне лодки хлопалось около пятидесяти приличных окуней и плотиц. А среди них: подвязок, подлещик и небольшая форель, клюнувшая на впадении в озеро ручья Гремяки.

Я дрожал от возбуждения и вечерней прохлады. Пора возвращаться к берегу, разводить костёр, греть чай. Вот и берег, где у ствола ёлки прислонён мой пестерек. Из лодки выходил с опаской — на воде не так страшно — вдруг из-за куста выйдут волк или медведь, которых сей год в самом деле много. Постоянно озираюсь, я насобирав сухих кореньев, наломал сушняка на деревьях, надрал бересты и, наконец, запалил костёр. Воткнул сырой еловый кол над костром, и подвесил на него чайник с озёрной водой.

Потом я долго пил чай, заедал его хлебом, глядел на небо и воду. Стояла северная белая ночь. Солнце, уйдя за горизонт, оставило на северо-западе огромную, висящую над землёй серебряно-золото-сиреневую полосу, в конце концов превращающую в фиолетовое, а затем белесое небо, просвеченное стреловидными лучами. И хотя рядом под ёлкой мирно спал Канис, поскуливая и твякая во сне, мне было страшновато. Ведь я был совсем ещё мальчиком, только что закончившим третий класс. Всё мне казалось, что из леса вот-вот покажется какой-нибудь мужик с лукавой физиономией, который потом окажется лешаком, и утащит силком в дремучие дебри. Или вдруг из воды вылезет водяной с зелёной мордой и рыжей бородой да и потянет за ногу в воду. И Канис не поможет. Сколько мы таких жутких историй слышали от старших ребят, от деревенских старушек...

Я долго озирался по сторонам и слушал разные звуки. В высо-

ком-высоком небе, в белесом мареве кувыркался невидимый бекас и блял как ягнёнок, трепеща перьями своих крыльев, где-то сзади в лесной чаще без усталости куковала кукушка, сулила мне длинный век. Квакали и чмокали под берегами лягушки, изредка в разных концах озера хлопали хвостами по воде шуки. Да ещё ухал где-то филин. Изредка спросонок кричали в лахах утки.

Долго я так сидел, слушая белую ночь, пока, наконец, сон меня не сморил. Я растянулся на траве и под треск костра уснул. Посреди ночи разбудил остервенелый лай Каниса. Я ошалело вскочил. Канис с лаем умчался куда-то вдоль берега. Лай его удалялся, и я услышал далёкий топот тяжёлых ног. «Медведь, что ли, — подумалось со страхом. — А ну сюда сейчас прибежит ошкуй, куда же Канис-то улетел, гад. Без него совсем страшно».

Но вот на луговину, там, где впадает в озеро ручей Гремяка, вывалил из леса и мелкой рысью пострелял среди высокой травы громадный лось. Его голова, увенчанная шапкой густых рогов, и тёмный бок плыли в росистом мареве над луговыми цветами. Там же звенел и лай Каниса. Лось его не очень-то и боялся. Он останавливался и прыгал на собаку, потом опять лениво рысил в сторону леса. Наконец, он скрылся в зарослях за краем пожни.

Отойдя маленько от страха, я ощутил прохладу. Была середка ночи. Над водой плавали облака белого пара, и в воздухе стояла сырость. Костёр давно погас, а это совсем уже не

дело, ведь огонь отпугивает всяких там волков и медведей. Мне говорили деревенские ребята, что если подходят волки, то в них надо кидаться головешками. И волки обязательно струсят. Я накидал в костёр сучьев и поджог их берестой. Костёр снова запылал, и стало теплее.

Но где же Канис? Без него казалось, что из-за каждой ёлки, выглядывает волчья морда. Я крутил головой, и, хоть пытался бороться со страхом, мало что получалось. По маленькому моему телу пробежал озноб, ведь мне было только десять лет, и среди ночи я в лесу был один.

В прибрежных кустах послышалось шуршанье, а затем и лёгкий топот какого-то зверя. «Канис, наверное, а может волк?» На всякий случай я взял в правую руку за необгорелый конец головешку, приготовился. И вот уже выбегает ко мне на пригорок домашний пёс Канис. Родная псина! Я хотел его обнять, но он — весь мокрющий — растопырил по земле лапы и шумно стал отряхиваться. Обдал меня сыростью. Страх стал быстро проходить и я приободрившись сказал собаке:

— Гад ты, гад! Где ты был, гад?

Канис мне улыбнулся простой и широкой улыбкой деревенского кобеля. Он был преисполнен гордости за то, что отогнал от нас огромную страшную зверюгу — лося. Канис помахал мне хвостом и подождал, не отломится ли ему краюха хлеба. Краюха не отломилась, и Канис убрёл к себе под ёлку — досматривать собачьи сны. А я от пережитого долго не

мог уснуть, ворочался у костра, пока белая ночь, усыпившая всех в лесу, не сморила и меня. Какое-то время я, лёжа на спине, глядел, как в небо улетают отблески костра, потом глаза сами собой закрылись... Разбудил опять Канис. Он бегал по берегу, забредал в воду и лаял на утиный выводок, который неосмотрительно заплыл на охраняемую им территорию. Утята, посвистывая, удирали от злоущей собаки. Впереди плыла мама-кряква и важно крякала.

Я оторопело озирался. Это сколько же времени я спал? Солнце вон, поднялось уже над лесом. А я мечтал порыбачить на зорьке. Какая тут зорька. На дворе — день-деньской. Проспал всё Царствие небесное. Хорошо ещё никто не видит, а то засмеяли бы, рыбачок хренов. У воды я сполоснул физиономию и тут же забросил удочку. Долго ничего не клевало. Поймался только мелкий окунишка. Конечно, какой может быть клёв, если столько спать. Нет, надо попить чаю. В деревне любая работа начинается с перекуса. Я вскипятил чайник, насыпал в него заварку и выпил целую кружку крепкого, сладкого чая. Ничего вкуснее никогда не пил. На природе всё кажется вкусным. Когда я доставал из пестерька хлеб и картофельную шаньгу, Канис, невесть где до этого болтавшийся, тут же оказался рядом. Его лохматая, ошалевшая от раздолья морда была у самого моего носа, когда я стал откусывать кусочки от шаньги. Для убедительности Канис даже маленько поскулил. Пришлось по-братски с ним поделиться, и половину шаньги

отдать. Всё же он всю ночь спасал меня от дикого зверья.

Невтерпёж — хотелось проверить поставленные с вечера жерлицы.

Карбасок изрядно протекал. Я долго вычерпывал воду. С великим волнением подгрёбал к первым жерлицам. Первые три, поставленные вдоль берега, висели нетронутыми. Капроновую нить слегка покачивал ветерок. Побелевшие за ночь, давно уснувшие мальки неподвижно висели над дном.

Решил пока жерлицы не снимать, вдруг да клюнет щука или крупный окунь, пока рыбачу на удочку. В следующей бухточке леска с жерлицы оказалась стянутой. Рогатинка болталась почти пустой, и нитка уходила в бок, в кувшинки. Рыбаки знают, какое это волнение — видеть размотанную жерлицу. Значит — щука схватила малька, проглотила его, теперь сидит на крючке где-то в траве. Эх, вытянуть бы её, хватило бы сил — здоровенная наверняка! Сейчас начнёт колотить, рвать из рук капрон!

Сдерживая дыхание, подтабанил к колышку, глядя на дальний конец нитки, нащупал рогатину, тронул капроновую нить, потянул её. Ну, бывает так, щука забилась в траве, сидит крепко, ослабив тетиву. Надо нащупать, как её пасть воспротивится натягу, и вся скользкая рыба начнёт необузданное своё сопротивление тому, кто тянет за противоположный конец снасти. И начнётся битва! Я потянул капроновую нить... Сердце чуть не разорвалось, когда нитка вначале тяжело потянулась, а потом другой конец вообще пере-

стал двигаться. Потянул — никакого движения. Это что, рыбина такая висит на крючке? Сейчас ка-а-ак дёрнет! Удержать бы только леску... Потянул ещё. Сообразил не сразу, что это простой зацеп. Вдоль лески дотянулся до другого конца и с трудом вырвал крючок из кувшинок, выдернув из воды целый пук водорослей. Живца не было, значит, щука заглотила мальца, долго билась и всё же выплюнула крючок в густой траве. Эх, жалко.

Долго сидел я понурый в лодке и горевал, наматывал обратно леску на жерлицу. Щука попалась только на последней жерлице. Небольшая, но упрямая и упругая, она выскальзывала из рук, пока я норовил ухватить в воде её скользкое тело. Отец говорил: нельзя поднимать щуку из воды за леску. Плохо сидит — обязательно оторвётся. Поэтому я всё же подтащил её из-под карбаса, куда она убарахталась, и поймал пальцами поперёк тела пониже головы. Жуть как приятно было глядеть, как она прыгает в лодке возле ног.

Когда щука затихала, я с большим трудом вытащил крючок из её пасти. Маленько порезал при этом два пальца об её зубы и крючкастые жабры. Но боли в пылу азарта даже не почувствовал. А кровь быстро перестала течь, когда сунул руки в озёрную воду. Солнышко стояло уже в зените, когда я подплыл к своему становищу. Южный ветерок разбивал водную поверхность, шелушил воду и солнечная дорожка слепила глаза. В берег колотился лёгкий, тёплый накат, и я, пока возился с кар-

басом, вёслами, да с рыбой замочил по колени штанины и босыми ногами вышел на берег.

Пора варить уху. Какая рыбалка, какой поход на ночь в лес без рыбацкой доброй ухи! Ребята в деревне засмеют, если ты в лесу пожил, рыбы наловил, а ухи не попробовал. Надо ведь рассказать: навариста ли получилась, жирная ли рыба в озере сейгод, да вкусна ли? В каждом озере рыба разная.

В деревне перед походом я интересовался, кто и как варит уху. Оказалось, всё варят по-разному: кто сначала рыбу кладёт, кто картошку, а кто и вместе. Опять же в какую воду кладут — в кипяток или пока вода ещё холодная? Сомнения рассеял отец, и я сделал всё, как он сказал. Сначала я сварил в воде две помытых и разрезанных на части картошины. В кипящую воду выложил пять очищенных окуней и одну плотицу — для запаха, добавил четверть столовой ложки соли и немного молотого перца.

Когда у рыбы побелели глаза, аккуратно ложкой сгрёб с поверхности ухи тёмную пену, выбросил её и снял котелок с таганка. Отрезал два ломтя хлеба — себе и Канису. Тот прямо извертелся, глядя на мои приготовления.

Пока я хлебал из котелка уху и ел рыбу, вскипел чайник. Остатки ухи и рыбы вывалил в большую консервную банку, накрошил туда хлеба и поставил перед мордой семейного пса Каниса. Тот, страшно виляя хвостом, углубился мордой в банку и сожрал её содержимое секунд этак за

пятнадцать, и опять подошёл ко мне, облизываясь и улыбаясь во всю собачью пасть.

— Сукин ты сын, — сказал я, улыбаясь ему в ответ и отхлёбывая сладкий чай из кружки.

После сытного обеда мы с Канисом, как и полагается солидным людям, развалились на траве и маленько подремали. Канис крепко похрапывал, а я лежал на спине и глядел в небо.

По небу, широко распахнутому надо мной, по синему-синему небу плыли белые-белые облака, особенно прозрачные со стороны солнца, с лёгкими фиолетовыми подпалинами снизу. Между облаками — то ли снизу, то ли сверху их — парила и парила кругами большая, неведомая коричневая птица.

А гораздо выше облаков синеву неба пересекала рваная полоска от недавно пролетевшего реактивного самолёта. Я знал: буду лётчиком. Знал это ещё до школы. Поэтому всё, что связано с самолётами, воспринималось как что-то своё, почти родное. Когда-то и я с поднебесной выси буду глядеть на далёкую землю, и пролетать над такими как я рыбацкими. Уходить домой было жалко.

Озеро, этот карбасок, утята, ветер, солнце и рыбалка стали за прошедшие сутки совсем родными. Но надо возвращаться домой. Поставленная задача выполнена. Поход на ночь в лес одному с собакой завершился. Надо собираться. Столкнул опять карбасок, снял с кольев жерлицы, намотал леску, закрепил крючки. Напоследок не выдержал и позабра-

сывал удочку. Кроме окуней ничего не клевало, да и то: какая рыбалка при высоком солнце! Когда с десяток окуней булькалось на дне лодки, смотал удочку. Я подошёл к раскиданному по берегу ивовому кусту, к северной его стороне, и осторожно разгрёб крапиву, под которой лежала пойманная вчера рыба. В крапиве да на холодке — рыба сохраняется лучше всего. Всю рыбу, сегодняшнюю и вчерашнюю, уложил на дне пестерька: всё сырое должно быть на дне, чтобы не замочить другие вещи.

Обратная дорога всегда легче, потому что ты по ней уже проходил.

Канис, бывалый пёс, смекнувший сразу, что путь лежит к дому, уже шарил по придорожным зарослям, всё время кого-то гонял, деловито на кого-то взлаивал. Выйдя на тропу, я пересёк лесок и вышел на огромный луг, тянувшейся до Лопшеньгского озера. Далеко-далеко, километрах в трёх отсюда, за синевой озера на угоре серело здание конюшни — это край деревни, а за угором тёмно-синей полосой распласталось к горизонту море.

Ветерок дул почти в спину, и я шёл быстро, разметая босыми ногами лёгкую пыль полевой тропинки. На правом плече лежало удилище, левой рукой я размахивал и во весь голос горланил песню, которая мне нравилась, и которую я, как запевала класса, пел и в школе:

Вьётся белая, тонкая нитка
По ковру зелёных полей,
Это тропка до школьной калитки
Каждый день я шагаю по ней.

Наверное, я так выражал детское своё счастье от всего пережитого, от того, что я не струсил и один провёл ночь в лесу, а теперь возвращался домой с добычей и мне не стыдно за себя перед родителями и перед деревенскими ребятами. Конечно, не забыл я и язей, наловленных вчера, в начале похода. Они лежат там, впереди, на впадении реки Верхотины в озеро, под приметным можжевёловым кустом... Восемнадцать штук. Эх, батя удивится, сколько же я рыбы принесу. «Замена, — скажет, — растёт». Метров за двести до цели меня насторожила и крепко взволновала следующая картина: рядом с кустом сидели две вороны и чем-то занимались прямо над местом, где должны быть язи. Стрельнула мысль: они же жрут моих язей. Тогда я побежал.

Метров за сто вороны поднялись и полетели. Одна из них летела с трудом: в когтях она несла большую серебряного цвета рыбу — моего язя.

— Ну, воровки!

Я скинул пестерь, и побежал, как мог быстро. Напоследок метнул удилище как копьё в утекающих стервятников. Но рыбу вороны не бросили и полетели к лесу, что рос на горе, примыкающей к лугу. Чувствуя недоброе, побрёл к тому месту, где оставлены были язи. Да, тут потрудились, наверное, целая воронья стая: валялись расклёванные рыбки тушки, потроха, ворохи рыбьей чешуи. Бросился смотреть, что же осталось? Осталось немного — всего четыре штуки. Четыре из восемнадцати! Я сел на берег речки и стал горевать.

Жалко мне было потерянной рыбы, жалко украденной рыбацкой удачи, а главное — жалко того, что мало рыбы теперь принесу домой. Лучше бы мама соседским бабушкам по паре хвостов разнесла. Сказала бы:

— Пашка много уловил, дак отдайте.

А те бы в ответ радовались:

— Вишь, Ольга, парень-то у тебя какой растёт ладный! Форменный рыбак!

Да, не получилась такая вот радость... А воронам надо отомстить. И что же это они так распоясались, воровки проклятые! Я уложил оставшихся язей в пестерь, прислонил его к пригорку, а сам, взяв удилище, пошёл к горе, куда улетели вороны. Я понял: там должны быть вороньи гнёзда и рыбу они таскают для того, чтобы кормить своих птенцов. Решил я поразорять всё эти гнёзда, потому что крепко обозлился на воронье разбойничье отродье.

Удилище взял для того, чтобы отбиваться от вредных этих птиц. Они крепко защищают свои гнёзда. В прошлом году чуть не заклевали Сашку Тюкова, моего одноклассника, когда тот разорял воронье гнездо на Ржисней горе. Куда улетели птицы, я заметил и пошёл прямо туда. Примерно полгоры пришлось подниматься. Я шёл и внимательно разглядывал кроны деревьев. Где-то среди ветвей, около ствола, прячется воронье гнездо. Вороны всегда делают гнёзда на развилках ветвей, прямо у ствола. Но особенно искать и не пришлось. Как только я приблизился к нужной ёлке и стал её разглядыв-

ать, налетела куча ворон, стала кружить надо мной и оглашенно каркать. Некоторые вороны налетали сзади и каркали над самой головой.

Вот тогда и пригодилось удилище. Я стал махать им вокруг себя, и налётчики разлетелись по сторонам. А вон и гнездо — густая кладка сучьев выше середины ствола. Лезть наверх было страшновато: и высоко, и вороны могут поклевать. Но не отступать же ...

Удилище я оставил — с ним залезать на дерево тяжело, я нашёл на земле крючковатый сук и засунул его за ремень у себя на спине. Так не будет мешать, а отмахиваться от крепких вороньих клювов пригодится.

Когда я полез на ёлку, вороны как обезумели. Летали совсем рядом, пикировали, как немецкие самолёты, и страшно галдели. Раза три я останавливался, левой рукой обхватывал ствол, а правой доставал из-за спины сук и отмахивался от ворон. Одна ворона спикировала и подлетела слишком близко, и я, хоть и мешали ветки, маленько её огрел. Она растопырила когти и заорала, будто я ей выдернул хвост. Вот и гнездо. Подползая к нему, я боялся смотреть вниз, потому что высота и впрямь была приличной, и непрерывно отмахивался от прилетающих со всех сторон ворон.

В гнезде сидели четыре серо-чёрных, вполне уже подросших воронёнка, и моргали блестящими бусинами чёрных своих глаз. Пол гнезда был усыпан чешуёй и костями моих язей. Я глядел на них и не знал, что делать. Жаль было украденных язей,

но стало жаль и этих ни в чём не виноватых птенцов. Воинственный пыл мой пропал. Но я знал из деревенских рассказов: вороны легко приручаются. И сам давно мечтал иметь в доме что-нибудь вроде ручной вороны или ястреба. Кого бы из них забрать? Я протянул руку, и один из птенцов крепко долбанул меня в палец маленьким клювом.

«Какой сноровистый!» — подумал я и сгрёб этого птенца, прижал крылья и сунул за пазуху.

Спустился уже быстрее, и вороны почему-то на обратном пути меньше меня атаковали.

... Солнышко падало уже к западу, когда я поднялся на пригорок, под которым лежала деревня. Наверное, я маленько возмужал за прошедшие сутки, потому что выполнил поставленную перед собой задачу и провёл самостоятельно ночь в лесу, не смалодушничал и не струсил, наловил

много рыбы и тем самым помог своей семье. В маленькой душе моей появилась уверенность, что я и дальше смогу преодолевать другие трудности, что они мне по плечу. На груди за пазухой шевелился тёплый воронёнок, который скоро станет моим другом. А впереди за деревней распахнулось огромное, бескрайнее синее море, за которое мне когда-то придётся уехать в неведомую новую, взрослую жизнь.

Как давно всё это было, как давно... Скрылось за лесами, болотами и синевой прожитых лет. И, вот я, седой человек, с вершины возраста гляжу в бинокль воспоминаний на поморское детство, на окружавших меня людей, и душа моя тихо плачет и тихо радуется. Мне хорошо от сознания того, что всё это со мной было. Уже тогда я стал понимать, как сильно я люблю свою природу, своих земляков и свою Родину.